

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

И. Г. Яковенко

Динамика интересов

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/2001_1_Yakovenko.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

Динамика интересов

И.Г. Яковенко

Прежде чем говорить о связи между национальными интересами и политическими ориентациями общества, требуется уточнить: имеем ли мы дело с *корректировкой уже сложившейся концепции национальных интересов* либо в российском обществе *только формируется такая концепция*. Зрелая система национальных интересов предполагает общественный консенсус по поводу высокозначимых основных представлений, а также освоение базовым субъектом общества мышления в категориях интереса. Вместе с тем она есть единство процесса и результата. Концепция национальных интересов неотделима от сложившейся системы механизмов формулирования интересов отдельных социальных групп, их согласования и перевода интересов общества на уровень государства как субъекта международной политики. Концепция национальных интересов предполагает сложившуюся традицию обсуждения на довольно высоком уровне, а также вовлеченность в эту дискуссию социально активных слоев общества. Сегодня ни одного из перечисленных признаков зрелой концепции национальных интересов в России нет.

Сложившаяся концепция интересов — элемент довольно устойчивой системы представлений о направлении и перспективах развития, целях и смысле существования человека, месте данного общества в универсуме. Понимание национальной перспективы опираются на осознание своего цивилизационного, геополитического, экономического статуса. Из этого мировоззренческого блока вырастает конкретика политических ориентиров и целеполагания: складывается парадигма национальных перспектив, задач и интересов, формируются представления о том, кто партнеры и союзники, а кто — конкуренты и потенциальные/актуальные противники.

Наше общество находится на стадии *осознания своих национальных интересов*, а это — существенно иной процесс. Нет единого для всего российского общества

мировоззренческого блока, а оно само расколото. К тому же понятие “национальный интерес” предполагает наличие субъекта интереса — нации. Однако политической нации (а другой в России, по-моему, в ближайшее время быть не может) как сложившегося целого, принадлежащего новому времени, также нет. Более того, средневековье (эпоха эсхатологического проекта) — конечно, не в узком хронологическом, а в сущностном смысле — закончилось в России лишь в августе 1991 г. Сегодня в России идет процесс формирования нации. Это суждение верифицируется происходящей на наших глазах сменой идентификата. Образование и утверждение новой доминирующей идентичности — не идеологической (советский человек) или конфессиональной (православный), а этнокультурной — только разворачивается. Обращение к гражданам страны первого Президента Российской Федерации — “россияне” — не получило распространения и используется разве что в правительственной риторике. Замечу, что для утверждения предшествующей идеологической идентичности — “советский человек” — потребовалась гражданская война и, как минимум, два послевоенных десятилетия.

Выработка концепции национальных интересов и утверждение национальной идентичности, являющиеся базовыми элементами формирования нации, в России идут очень тяжело — об этом свидетельствуют сам ход политического процесса в последнее десятилетие и войны с Чечней.

Кроме того, зрелая концепция национальных интересов предполагает, что общество “доросло” до уровня осознания данной проблемы, т.е. массовым типом стал бы субъект, понимающий свою автономность, несводимость к социальному абсолюту, убедившийся на собственном опыте в бесперспективности патерналистской опеки. Вообще автономизация субъекта, формирование личности есть базовое условие всех реал-

лий и институтов демократического правового общества. В противном случае возникает мир “потемкинских деревень” — как бы партии, как бы парламент (стоит ли добавлять к этому списку как бы концепцию национального интереса?). Наконец, сложившаяся концепция национальных интересов опирается на традицию их обсуждения нацией, которая тоже — как таковая — отсутствует.

Мы находимся в начале процесса формирования системы национальных интересов как одного из элементов “космоса” гражданского общества, который происходит параллельно с утверждением его институтов и традиций, определением границ и сфер влияния, стратегических перспектив, поисков ответа на вопрос о цивилизационной идентичности Российской Федерации, конкуренцией мировоззренческих парадигм и т.д. Такую особую ситуацию надо обсуждать с учетом ее специфики.

Сейчас может идти речь о динамике конкурирующих представлений на уровне политической элиты и об изменениях в ориентации массовых настроений. Однако при анализе этого почти невозможно ответить на вопрос: имеем ли мы дело с колебаниями общественных настроений, во многом заданными политикой крупных игроков на информационном поле (кремлевская и лужковская группировки, “олигархи”), манипулирующих массовым сознанием с помощью СМИ либо с существенными сдвигами в сознании общества, которые могут и должны трансформировать представление об интересах государства.

Как оценивать, к примеру, демонстрации протеста у стен американского посольства во время косовского кризиса — свидетельствуют ли они о серьезных и устойчивых антиамериканских настроениях? Можно ли говорить о популярности в российском обществе идеи славянской солидарности, опираясь только на публикации левой прессы, подхватившей очевидно конъюнктурную идею присоединения Югославии к российско-белорусской унии?

Национальные интересы — высокоинерционная структура. Они задаются устойчивыми (географическое положение, цивилизационная идентичность, стадийное состояние общества) либо медленно поддающимися изменению факторами (качественные характеристики экономики, доля в мировом хозяйстве, наличие значимых ресурсов). Важные изменения национальных интересов происходят в эпохи реструктурирова-

ния крупного региона или мирового сообщества в целом, когда контекст существования конкретного общества стремительно изменяется, что требует переосмысления всей системы интересов. Россия, равно как и мировое сообщество, сейчас переживает именно такой период. Но наша специфика в том, что речь идет не о переосмыслении, а о формировании интересов. Отсюда — высокая степень манипулируемости массовым сознанием, значительные колебания общественного настроения, наличие в нем противоположных, исключающих друг друга позиций.

В отсутствие консенсуса по многим базовым позициям растет значение временных флуктуаций. Сторонники того или иного движения стремятся выдать очередные колебания общественного настроения (чаще — настроения элиты) за произошедший наконец стратегический выбор всего общества. К такого рода суждениям следует относиться с величайшим скепсисом, ибо здесь мы имеем дело либо с заблуждениями, либо с попыткой сознательной манипуляции.

Тем не менее следует указать и на устойчивые сдвиги в общественном сознании в последние годы. Их не так много, однако они приобрели стратегический характер. Можно фиксировать теперешнее неприятие массовым сознанием патерналистской модели государства. Идет исключительно важный процесс изменения характера общественного договора: от власти все меньше требуют “дать людям работу” (иными словами, накормить), и все больше — не мешать и дать возможность эффективно работать.

За последние годы произошло осознание необратимости распада СССР, прежде всего утраты Россией былых связей с Прибалтикой. Не только политическая элита, но и массы приняли как данность “уход” от нашей страны Средней Азии и Закавказья, а также Молдавии. До сих пор остаются ностальгические эмоции относительно “братев-славян”, однако, учитывая политические процессы в Украине, в качестве таких “братев” массовое сознание воспринимает лишь белорусов. Сам ход исторических событий помещает идею реставрации бывшего единого государства в область чисто формальной риторики.

Одним из заметных процессов последних лет, охватывающих все общество, стал отход от прозападной эйфории начала 1990-х годов. Сегодня очевидны разочарование и усталость людей, надежды которых не оправда-

лись. В общественном сознании доминируют негативные настроения — вплоть до различных форм антизападничества. Но здесь необходимо уточнить — в большинстве случаев речь идет, если можно так выразиться, о “платоническом антизападничестве”.

Эти настроения массового человека мгновенно исчезнут при любых попытках перехода к политике изоляционизма, не говоря уже о прямом противостоянии Западу, ибо на деле наши люди вовсе не желают лишиться каких-либо достижений последнего десятилетия (информационная и личностная свобода, широкий рынок товаров и услуг, вовлеченность в мировое общение и т.д.). Мы уже видим антизападника, который работает в консалтинговой фирме, планирует поменять “жигуленок” на подержанный “БМВ”, а политическим эмоциям предается в промежутке между просмотром голливудских фильмов на экране телевизора “Панасоник”.

Сколько-нибудь адекватная оценка доли антизападничества настроений возможна лишь с учетом стратегических процессов динамики образа жизни, моделей престижного присвоения, изменений базовых ориентиров. Можно зафиксировать крайне медленное, но неуклонное падение настроений социальной ностальгии. Новый порядок вещей утвердился с помощью самой непреложной санкции — санкции времени. Люди, в т.ч. противостоящие новому, вовлекаются в существующую действительность и неизбежно меняются сами, даже не отдавая себе в том отчета. Это убедительно подтверждает провал партий реванша и социальной ностальгии на прошедших парламентских выборах. Наконец, в обществе, уставшем от хаоса, все отчетливее проявляется желание обрести символизирующую порядок “сильную руку”.

Эти изменения, обусловленные комплексом факторов, а также конкретными событиями (в их числе и финансовый кризис августа 1998 г., военные конфликты в Косово и Чечне и пр.), выражают существенные изменения в социокультурном контексте и сказываются на трактовке национальных интересов. Подчеркну, что речь идет лишь об *интерпретации*, которая, по определению, субъективна и задана целым рядом переходящих обстоятельств. В эпоху выстраивания концепции интересов иначе быть и не может.

Поскольку российское общество не нашло консенсуса по поводу базовых ценностей и стратегических целей, а сам

процесс достижения согласия носит характер демократической эволюции, т.е. потребует не менее 10 — 15 лет, политическому руководству страны, видимо, стоит исходить из стратегических интересов как самых бесспорных и безусловных ориентиров. Таких ориентиров два — *сохранение государства и модернизация*. Именно на этом пути лидеры страны имеют шансы на максимальный кредит общественного доверия при консолидации общества. Первая из задач вполне очевидна, вторая возбуждает споры — как относительно содержания изменений, так и способов их реализации. Речь идет о необходимости перейти от экстенсивной к *интенсивной стратегии исторического развития* России (похоже, что неспособность преодолеть этот рубеж и привела к краху социализма). Сама постановка проблемы и поиск путей модернизации — обширное поле для дискуссии.

Сегодня вырисовываются две стратегические линии политического развития РФ. Первая, заключающаяся в манипулятивном использовании противоречий между Европой и другими центрами сил, имеет прецеденты в истории, более того, является для России традиционной. Вторая предполагает союз с Европой и противостояние силам, альтернативным европейской интеграции. Эта позиция тоже имеет прецеденты в истории, однако менее традиционна.

Отмечу, что данные позиции соответствуют двум разным направлениям модернизационного преобразования страны. К тому же страны “догоняющего развития” неизбежно проходят стадию конфликта с динамичными мировыми лидерами. Россия же более ста лет находилась в состоянии “догоняющей”. Конфликт с Западом традиционализировался и обрел инерцию, подогреваемую почти тысячелетним конфессиональным разделением.

Если исходить из доминирующих в обществе и в политической элите настроений, Россия склоняется к стратегии баланса между Западом и Востоком с акцентом на манипулятивном использовании противоречий между центрами сил. Думаю, такая модель малопродуктивна и ее реализация создаст значительные проблемы: “клуб противников Европы” — структура саморазрушающаяся, ибо с завершением процесса модернизации какой-либо из стран снимается и ее противостояние другим.

В заключение — несколько замечаний по поводу связи итогов парламентских

выборов декабря 1999 г. с попытками некоторых политических сил переосмыслить национальные интересы России. Как мне представляется, причина и следствие здесь перевернуты, а потому структура национальных интересов оказывается первичной относительно общественных настроений и электорального поведения. Однако национальные интересы могут быть отрефлексированы в двух модальностях: как некая объективная сущность (национальные интересы с позиции Господа Бога), либо как сущность субъективная, сложившаяся как результат интерпретации таких интересов обществом.

В рамках научного дискурса есть смысл заняться изменениями в трактовке интересов. Избиратель отдает мандат доверия политическим партиям — носителям определенной концепции национального интереса. Иными словами,

только выборы фиксируют устойчивые перемены в интересах общества. Однако формулировки программ российских партий весьма расплывчаты и минимально структурированы, проблема национальных интересов, как правило, отчетливо не проработана, а заявления политиков противоречивы.

За представлениями о национальном интересе в нашем обществе я не вижу глубокой, адекватной проблеме рефлексии. Мы находимся в поле слабо осознанных, меняющихся настроений, зависящих от очень подвижной конъюнктуры, изменения которой в любой момент могут привести к “скачкам” и даже инверсии общественных настроений — и по отношению к Западу, и по отношению к Востоку. Консенсус по поводу национальных интересов в России — дело будущего.